

Хронология основной массы керамического материала базировалась на его распределении в слое по пластам. Четкая стратиграфия культурных напластований послужила основой для выделения отдельных хронологических срезов. Вычисление процентного соотношения типов керамики по пластам позволило проследить их распределение в слое в определенной временной последовательности (рис. 2).

К бытовой керамике относятся курительные трубки, помадные банки, лампадки, игрушки. Ввиду немногочисленности этих изделий они не подвергались типологическому анализу.

Архитектурно-декоративная керамика в витебском культурном слое представлена изразцами. Выработаны следующие признаки их учета*. Технологический раздел: форма изготовления (соединение румпы с лицевой пластиной); вид крепления изразца; обжиг; сырье и примеси; обработка лицевой поверхности; вид полив и их составляющие. Морфологический раздел: форма и размеры лицевой пластины; тип изразца; характеристика румпы; орнамент. Изразцовый материал, как и бытовая керамика, по этим признакам получает исчерпывающее описание. Характер соединения румпы с лицевой пластиной освещает конструктивные особенности изготовления изразцов. Наличие в румпах отверстий для проволочки или пальцевых вдавлений свидетельствует о двух видах их крепления. Обработка лицевой поверхности устанавливает принадлежность изразца к той или иной технологической группе (терракотовый, муравленный, полихромный, рельефный, расписной).

Существенное значение при установлении хронологии изразцов имеют их форма, размеры лицевой пластины, полива (эмаль, глазурь). Типологически изразцы включают: лицевую пластину, угловой изразец, карнизный, поясовой, перемычку, угловое навершие, балясину. Для изразцов различных хронологических отрезков характерны разные высоты румп, углы их отклонения. По орнаментальному заполнению лицевой пластины изразцы подразделяются на выполненные в реалистической и стилизованной форме (портретные, геральдические, геометрические, растительные орнаменты, элементы гротеска).

* Имеются в виду коробчатые изразцы XVI—XVIII вв.

¹ Hołubowicz W. Garncarstwo wiejskie zachodnich terenów Białorusi.— То- ргій, 1950.

- ² Дембовецкий А. С. Опыт описания Могилевской губернии, т. 2.
³ Бобринский А. А. К изучению техники гончарного ремесла на территории Смоленской области.— СЭ, 1962, № 2.
⁴ Рабинович М. Г. О древней Москве.— М., 1964; Розенфельд Р. Л. Московское керамическое производство XII—XVIII вв.— М., 1968; Воеводский М. В. К истории гончарной техники народов СССР.— Этнография, Л., 1930, № 3—4; Полевой Л. Л. Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV в.— Кишинев, 1969.
⁵ Воеводский М. В. Глиняная посуда Москвы XVI—XVIII вв. по материалам, собранным при работах Метростроя.— По трассе первой очереди Московского метрополитена. М.—Л., 1936; Рабинович М. Г. Московская керамика.— МИА, № 12, 1949, с. 57—105; Розенфельд Р. Л. Московское керамическое производство XII—XVIII вв.
⁶ Круг О. Ю. Применение петрографии в археологии.— МИА, № 12, 1965; Гражданкина Н. С. Методика химико-технологического исследования древней керамики. МИА, № 12; Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы.— М., 1978; Он же. Гончары-Пидьбляне.— СА, № 1, 1959; Полевой Л. Л. Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV в.
⁷ Памятная книжка Витебской губернии на 1895 г.
⁸ Керамика, ее технология и сохранение.— Материалы по методологии археологической технологии, вып. VI, Л., 1926.
⁹ Hołubowicz W. Garncarstwo wiejskie..., s. 135.
¹⁰ Szkice Staromiejskie.— Warszawa, 1955.
¹¹ Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы, с. 161, табл. 19.
¹² Рабинович М. Г. О древней Москве, с. 158.
¹³ Рабинович М. Г. Московская керамика; Генинг В. Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок.— СА, № 1, 1973; Ковалевская В. Б. Применение статистических методов изучения массового археологического материала.— В сб.: Археология и естественные науки. М., 1965; Шер Я. А. Интуиция и логика в археологическом исследовании.— В сб.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.

Я. Г. РИЕР

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ФЕОДАЛЬНОЙ ДЕРЕВНИ МОГИЛЕВСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ В X—XIV вв.

Среди вопросов, связанных с изучением феодализма на Руси, значительное место принадлежит аграрным отношениям, развитию феодальной деревни. «В средние века,— писал К. Маркс,—...деревня как таковая является отправной точкой истории...»¹ Сельскохозяйственное производство было основой жизни феодального общества, а крестьяне, основные производители материальных благ, составляли самое многочисленное сословие средневековья. Письменных источников

по древнерусской деревне недостаточно. Наиболее ранние письменные свидетельства о сельских поселениях указанного региона западных земель Руси находим в Уставной грамоте князя Ростислава Смоленского 1136 г., где указываются некоторые населенные пункты и волости левобережья Днестра, входившие в Смоленское княжество². О Свислочской волости под 1387 г. сообщается в жалованной грамоте короля Владислава³. Остальные сведения о волостях и сельских поселениях изучаемой территории относятся к более позднему времени.

Решающее значение приобретают археологические материалы из поселений и курганов. При этом погребальные памятники изучены значительно полнее. В Могилевском Поднепровье их исследования имеют более чем столетнюю историю. К настоящему времени мы располагаем сведениями о 533 курганных могильниках с общим числом более 11 400 курганов. Раскопкам за все годы исследований подвергалось 417 курганов из 93 могильников. Поселения эпохи феодализма изучены слабее. Их 100, раскопкам подвергалось 84, остальные известны по подъемному материалу и шурфовкам. Вещевой материал памятников представлен примерно 2 800 изделиями из металлов, стекла и камня и почти 20 тыс. фрагментов сосудов. Анализ керамического материала позволил определить даты 68 поселений. Безусловно, многие из этих дат предварительны. Но и они позволяют наметить определенные тенденции в развитии сельских поселений Могилевского Поднепровья.

Наиболее ранние поселения возникли в конце IX—X вв. Они известны на берегах Птичи, Свислочи, Друти, Днестра и Баси. Из 12 селений, появившихся в это время, 11 селищ (два из них возникли на селищах раннего железного века) и одно городище-убежище, существовавшее на более раннем родовом укрепленном поселке (Жужлянка)⁵. Большинство поселений более долговременные и просуществовали по 400—700 лет. В XI в. появились еще 26 поселений (16 селищ и 10 городищ), в XII в.— 13 (9 селищ и 4 городища), в XIII в.— также 13 (12 селищ и 1 городище), в XIV в.— 3 селища и в XVI в.— 1.

В конце IX—X в. возникло 17,9% поселений, в XI—XIII вв.— 73,2, в XIV—XVI вв.— всего 8,9%. При этом все поселения конца IX—X в. продолжали существовать и в XI—XIII вв. Общее число населенных пунктов XI—XIII вв. составляет 91,1% (45 селищ и 17 городищ) от всех поселений изу-

чаемого времени. В XIV—XVI вв. следы большинства поселений, существовавших ранее, теряются. В XIV в. на территории Могилевского Поднепровья оставалось 46,2% сельских поселков (27 селищ и 5 городищ, из них 6% — старые селища конца IX—X в. и 31,9% — поселения XI—XIII вв.). XV—XVI вв. представлены лишь 26,9% поселений (17 селищ и 2 городища — см. рис. 1). Почти аналогична приведенной и хронология вятичских селищ, установленная в основном также по подъемному материалу⁶.

Селища конца IX—XIII в. имели размеры от небольших (менее 2500 кв. м) до очень крупных (свыше 40 000 кв. м — возможно, погосты). Это разнообразие в размерах характерно и для селищ, существовавших около появившихся в XI—

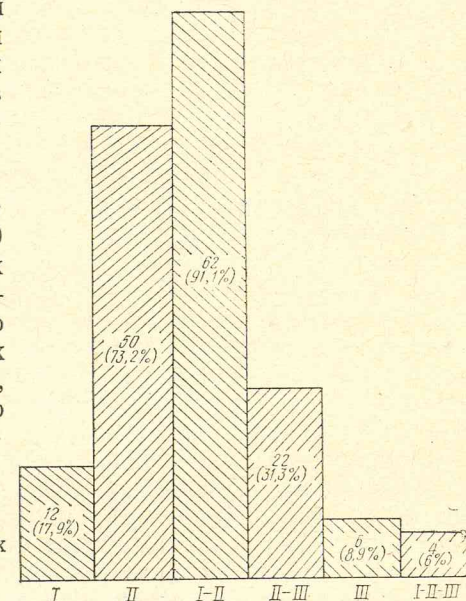

Рис. 1. Количество сельских поселений по этапам

XIII вв. феодальных усадеб-замков (Щатково, Радомля, Старый Шклов). Однако если среди селищ, возникших в конце IX—X в., преобладали крупные, большинство поселений, появившихся в XI—XIII вв., отличается средними размерами. Селища, возникшие в XIV в. и позднее, имели обычно небольшие размеры (2 000—10 000 кв. м — рис. 2). Таким образом, с XI в. наблюдается постепенное сокращение площадей селищ, а в XIV и последующих веках появляются малодворные поселения.

Безусловно, приведенные данные о количестве поселений и их размерах неполны из-за недостаточной изученности этого рода памятников в исследуемом регионе. Однако имеющийся материал позволяет наметить динамику развития сельских

поселений в Могилевском Поднепровье⁷. В их развитии выделяются три этапа.

Первый этап датируется концом IX—X в. В это время происходит интенсивное перемещение сельского населения на свободные земли. Некоторые из возникших поселений оказались недолговременными. Другие, наоборот, существовали длительное время и, возможно, превратились в администра-

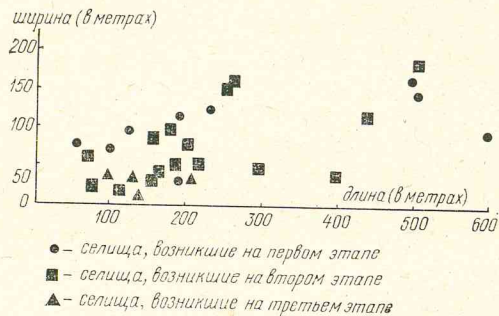

Рис. 2. Размеры селищ

тивные центры. Следовательно, первый этап характеризуется массовым формированием соседских общин. Эта эпоха известна в истории Древней Руси складыванием феодальных отношений⁸. Селища указанного времени значительны по размерам, что вызывалось необходимостью в ходе расселения осваивать под пашню лесные массивы⁹.

Второй этап датируется XI—XIII вв. и отличается постепенной стабилизацией в передвижениях крестьянского населения в связи с отсутствием свободного земельного фонда. Социальная дифференциация, ранее смягчавшаяся наличием свободных земель, усиливается, что ускоряет выделение класса землевладельцев-феодалов. Появляются новые укрепленные поселки — феодальные замки. Разгорается борьба феодалов за землю друг с другом и со свободными крестьянами-общинниками. Происходит складывание феодального землевладения. При этом определенным рубежом является вторая половина XI — начало XII в. — время победы феодальных отношений на Руси¹⁰. С этого времени оседание бояр на землю идет ускоренными темпами¹¹ и создаются имения-замки. В XII в. на Руси возникает феодальный иммунитет¹². Отмеченные процессы и обусловили вышеуказанные особенности

в развитии сельских поселений Могилевского Поднепровья на втором этапе. Крупных поселений становится меньше, преобладают селища средних размеров как наиболее рациональные в условиях экстенсивного развития земледелия¹³, так как каждое поселение окружается значительными площадями пахотной земли. В условиях же крупных селищ расстояние до пашни могло оказываться значительным, что затрудняло полевые работы. Поэтому рост населения приводил к отпочковыванию новых поселков, что и явилось причиной появления значительного числа селищ в начале этапа.

Процессам феодализации сопутствовало и внедрение христианства в деревне, отраженное в изменении погребального обряда¹⁴. В конце X — начале XI в. трупосожжения как совершенно несовместимые с христианской догматикой¹⁵ сменились на изучаемой территории трупоположениями в насыпи и на материке. В XI—XII вв. в Могилевском Поднепровье появились и трупоположения в ямах. Ямные захоронения не были характерны для населения региона в предшествующую эпоху господства трупосожжений. Они являются этнической особенностью полян, которые были еще связаны с дохристианскими обрядами, и воспринялись церковью как наиболее подходящие христианской догматике¹⁶.

Поскольку новая религия вслед за великокняжеской властью исходила из земли полян как ядра Древнерусского государства, поляне, будучи проводниками центральной власти, распространяли христианство¹⁷. Захоронения в ямах стали внедряться в другие древнерусские земли. Из них постепенно развились канонические христианские формы погребального обряда¹⁸. У дреговичей погребения в ямах наиболее распространены в южной части их территории¹⁹. Чаще встречаются они и в южной половине радимичского ареала²⁰. Это говорит о том, что христианство в Верхнем Поднепровье распространялось не через местные племенные центры радимичей и дреговичей, а непосредственно из Среднего Поднепровья. Исчезновение курганных захоронений к началу XIII в. свидетельствовало о победе новой религии в среде крестьян, хотя многие черты язычества в той или иной форме сохранялись еще длительное время.

Наконец, с XIV в. начинается третий этап в развитии сельских поселений изучаемого региона. Крестьяне окончательно теряют собственность на землю, попадают в зависимость от феодалов. Усиливавшийся феодальный гнет приводит к уменьшению доходности крестьянских хозяйств, ибо все большая

часть продуктов отчуждается в виде феодальной ренты и прочих поборов. Оставшиеся после выплат у крестьян продукты не всегда обеспечивают потребности их хозяйств (питание, корм скоту, зерно для посевов). Уменьшение поголовья скота (оброк, недостаток кормов) отрицательно сказывается на количестве удобрений. Это приводит к снижению урожайности и вместе с уменьшением зерновых запасов усиливает опасность голода при неблагоприятных погодных условиях. В результате рост населения замедляется, сельские поселения мельчают, превращаются в малодворные²¹, разбросанные в угоду интересам феодалов в различных местах их владений. Эти малодворные поселения археологически трудно различимы²². Поэтому на третьем этапе резко сокращается число известных нам крестьянских поселков. Появлению таких малодворных поселений могло способствовать и развитие условного земельного держания, когда крупные феодалы наделяли своих слуг на время землей для освоения пустошей и заселения их зависимыми крестьянами. Такую форму отмечал Л. В. Черепнин для северо-восточной Руси в XIV—XV вв.²³ Это время окончательного сложения боярской вотчины (сеньории)²⁴. К XIV в. отмечается и отчуждение земли дворянами²⁵, т. е. в феодализацию включается новый слой господствующего класса. В XIV—XV вв. исчезает большинство феодальных замков изучаемого региона²⁶. Несомненно, на развитие производительных сил изучаемой территории во второй половине XIII—XIV в. отрицательно сказались неоднократные набеги захватчиков на западнорусские и литовские земли²⁷. Таким образом, наиболее благоприятным для развития деревни был период раннефеодальный до начала широкой феодализации в XII в. период Киевской Руси, когда только победивший феодальный способ производства был еще прогрессивным²⁸.

¹ Маркс К. Критика политической экономии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 470.

² Уставная и жалованная грамота смоленского князя Ростислава Мстиславовича церкви Богородицы и епископу, связанная с учреждением епископии в Смоленске.— Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976, с. 141—145.

³ Полоцкие грамоты XIII—начала XVI в. Сост. А. Л. Хорошкевич.— М., 1977, с. 51.

⁴ Среди поселений, подвергнутых раскопкам, по сохранности и возможностям изучения выделяется селище конца IX—XVI в. у г. Чаусы, работы на котором ведутся автором с 1976 г. (Риер Я. Г. Исследования у г. Чаусы Могилевской области.— АО — 1976. М., 1977, с. 414—415;

Он же. Исследования у г. Чаусы.— АО — 1977. М., 1978, с. 423—424; Он же. Помнікі феадальнай вёскі.— ПГКБ, 1978, № 3, с. 33—34; Он же. Изучение феодальной деревни в Могилевском Поднепровье.— АО — 1978. М., 1979, с. 444—445; Он же. Изучение селища у г. Чаусы.— АО — 1979. М., 1980, с. 368; Он же. Феодальное поселение X—XVI вв. у г. Чаусы в Могилевском Поднепровье.— Вопросы истории, вып. 8. Мн., 1981, с. 13—19).

⁵ Драгун Ю. И. Раннеславянское поселение в нижнем течении р. Свислочи.— Белорусские древности. Мн., 1967, с. 422—431.

⁶ Никольская Т. Н. Сельские поселения земли вятичей.— КСИА, вып. 150, 1977, с. 6.

⁷ Возможность выработки хронологической классификации поселений по керамике, происходящей в основном из подъемного материала, была доказана В. В. Седовым (Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли.— МИА, № 92. М., 1960, с. 14—17).

⁸ Мавродин В. В. Советская историография социально-экономического строя Киевской Руси.— История СССР, 1962, № 1, с. 62; Черепнин Л. В. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв.— Пути развития феодализма. М., 1972, с. 145—146, 165, 187.

⁹ Седов В. В. Сельские поселения..., с. 24.

¹⁰ Насонов А. Н. Русская земля и образование территории Древнерусского государства.— М., 1951, с. 26; Черепнин Л. В. Основные этапы развития феодальной собственности на Руси.— ВИ, 1953, № 4, с. 51—52, 62; Мавродин В. В. Советская историография..., с. 62; Зимин А. А. Холопы на Руси.— М., 1973, с. 73, 197; Свердлов М. Б. К изучению формирования феодально-зависимого крестьянства в Древней Руси («Закупы «Русской Правды»).— История СССР, 1978, № 2, с. 65 и др.

¹¹ Рыбаков Б. А. Обзор общих явлений русской истории IX—середины XIII века.— ВИ, 1962, № 4, с. 54—55; Зимин А. А. Холопы на Руси, с. 50—53, 157.

¹² Греков Б. Д. Киевская Русь.— М., 1953, с. 155—156; Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. ч. II.— М., 1951, с. 54; Смирнов И. И. Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII вв.— М.—Л., 1963, с. 282—283.

¹³ Седов В. В. Сельские поселения..., с. 24.

¹⁴ Хронология курганов Могилевского Поднепровья установлена на основе анализа инвентаря из 129-го погребального комплекса.

¹⁵ Рыбаков Б. А. Предпосылки образования Древнерусского государства.— Очерки истории СССР. III—IX вв. М., 1958, с. 821; Он же. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи.— М., 1963, с. 71.

¹⁶ Русанова И. П. Курганы полян.— САИ, вып. Е1-24. М., 1966, с. 7, 17, 26—27; Ширинский С. С. Археологические параллели к истории христианства на Руси и в Великой Моравии.— Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 204—205.

¹⁷ Русанова И. П. Курганы полян, с. 7, 17, 26—27.

¹⁸ Недошивина Н. Г. Хронологические различия в погребениях вятичей.— История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971, с. 194; Очерки по археологии Белоруссии, ч. 2.— Мн., 1972, с. 33.

¹⁹ Успенская А. В. Курганы Южной Белоруссии X—XIII вв.— Тр. ГИМ, вып. 22, 1953, с. 107; Тимофеев Е. И. Расселение юго-за-

- падной группы восточных славян.— СА, 1961, № 3, с. 67; Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья.— М., 1970, с. 86.
- ²⁰ Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, с. 138.
- ²¹ Довженок В. И. Среднее Поднепровье после татаро-монгольского нашествия.— Древняя Русь и славяне, с. 82.
- ²² Это объясняет неудачи при поисках сельских поселений, известных по писцовым книгам (Кольчатов В. А., Розов А. А. Работы на Ижорском плато.— АО — 1976. М., 1977, с. 18).
- ²³ Черепнин Л. В. Исторические условия формирования русской народности до конца XV в.— Вопросы формирования русской народности и нации. М., 1958, с. 70—71.
- ²⁴ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до конца XVII века.— М.—Л., 1946, с. 4—5.
- ²⁵ Свердлов М. Б. Дворяне Древней Руси.— Из истории феодальной России. Л., 1978, с. 59.
- ²⁶ XV в.— время прекращения существования феодальных замков и на Смоленщине (Седов В. В. Сельские поселения..., с. 50).
- ²⁷ История Белорусской ССР, т. I.— Мн., 1972, с. 121—122.
- ²⁸ Рыбаков Б. А. Древняя Русь..., 192; Довженок В. И. Некоторые вопросы археологического изучения древнерусского села домонгольского времени.— I Międzynarodowy Kongres archeologii słowiańskiej, IV. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1968.

А. А. СЕЛИЦКИИ

ОРНАМЕНТЫ ДРЕВНИХ СМОЛЕНСКИХ ХРАМОВ

К середине XII в. Смоленск выделяется в самостоятельное княжество. Экономическая и политическая база позволила городу во второй половине XII в. стать одним из важнейших архитектурных центров Руси¹. Его архитектура в современной научной литературе основательно освещена. Фресковая живопись до недавнего времени была известна в крайне фрагментарном виде. Однако за последние годы в результате археологических исследований, проводимых экспедицией Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, возглавляемой Н. Н. Ворониным и П. А. Раппопортом (1962—1967, 1973 гг.), получено много нового материала по фресковой росписи древних смоленских храмов. Результаты систематических исследований опубликованы Н. Н. Ворониным². Отмечаются обстоятельства находки большинства фрагментов живописи, дается их цветовая характеристика. Многие фрагменты, находившиеся на реставрации в мастерских Эрмитажа, в экспозиции и фондах Смоленского краеведческого музея, не вошли в книгу. Исходя из этого, видно, что исследование смоленской живописи далеко не исчерпано. Работа Н. Н. Воронина является первоначальным этапом изучения вопроса.

В предлагаемой статье ставится задача — проследить развитие орнаментальной фресковой росписи с использованием неопубликованных материалов.

Фресковая живопись обнаружена в церкви Петра и Павла (ок. 1146 г.), а также Иоанна Богослова (ок. 1160—1162 гг.). При раскопках 1965 г. в Петропавловской церкви были найдены остатки фресковой росписи орнаментального характера. Панели стен украшал так называемый струйчатый орнамент³, имевший место в росписи Бельчицких храмов в Полоцке и Псковско-новгородских церквей второй половины XII в., откосы окон — орнамент, состоящий из сочетания геометрического и растительного мотивов. Рисунок представлял собой круглую розетку в виде розовато-фиолетового процветшего креста. Отдаленно похожие мотивы встречаются в орнаментах, украшающих Софию Киевскую. Сведения об орнаментах Иоаннобогословской церкви скудные. Отметим, что сходный мотив фресок, украшавших откосы окон этого храм — растительный орнамент в виде извивающегося стебля и листьев продолговатой формы, встречался в росписи большого безымянного храма Бельчицкого монастыря в Полоцке, а позднее в храмах псковско-новгородских. Что касается геометрического орнамента, встречавшегося в храме и состоявшего из фигур (треугольники, круги, ромбы), заполненных цветом, то можно сказать, что такие мотивы были характерны для Смоленска и известны здесь позднее в разнообразных вариантах в украшении храмов рубежа XII—XIII вв. Важно отметить, что украшения аркосолиев, находившихся в галерее церкви, состояли из реальной драгоценной пелены, крепившейся к стене гвоздями⁴. Фресковые росписи в нишах аркосолиев не отмечены.

К середине XII в. относятся еще несколько построек. Самой крупной из них был собор Борисоглебского монастыря на Смядыни (1145). При раскопках найдено множество кусков штукатурки со следами фресковой росписи. Рассмотрим фрагмент одного орнамента из фондов Смоленского музея⁵. Он представляет собой ленточный геометрический орнамент, несложный по форме, с чередующимся мотивом небольшой, правильной, четырехлепестковой розетки в виде равноконечного креста со скругленными концами. Мотив такого орнамента встречается в украшении почти всех Смоленских храмов (рис. 1).

Во второй половине XII в. в декоративном украшении Смоленских храмов появляются совершенно оригинальные